

Редакционная статья / Editorial

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

№8, 2020

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-63760 от 16.11.2015 г.

ISSN: 2713-1491

eLIBRARY ID: 57987

Издатель: АНО «Центр поддержки и развития актуальных исследований в области исторического оружиеведения»

Свидетельство Министерства юстиции Российской Федерации от 22.07.2015 г.

Учетный № 7714056109

Copyright © 2020 авторы, АНО «Центр поддержки и развития актуальных исследований в области исторического оружиеведения».

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Редакционная статья

В последнее время в России и за рубежом состоялось сразу несколько выставок, связанных с оружием. Что особенно важно, эти выставки не просто демонстрировали собрания разрозненных или формально объединенных предметов, но пытались вписать их в историческое и культурное пространство с одной стороны, а с другой - отразить через эти предметы, как артефакты и, как предполагается, непосредственные свидетели истории, современную им эпоху.

В этом выпуске журнала "Историческое оружиеведение" представлены два обзора: обзор выставки «Последний рыцарь. Искусство, доспехи и амбиции Максимилиана I», состоявшейся в музее Метрополитен с 7 октября 2019 по 5 января 2020 года, которая была приурочена к 500-летию с даты смерти императора Священной Римской империи Максимилиана I, и обзор выставки из собрания Государственного Эрмитажа «"Сжимаемая рукоять меча...". Воинская культура и оружейные традиции Ближнего Востока», открывшейся 6-7 ноября 2019 года в Омском областном художественном музее имени М. А. Врубеля. Первоначально и данная статья должна была представлять собой обзор еще одной выставки - «Империя и Кавказ. Оружие, обмундирование, ратные традиции. XIX – начало XX века», открывшейся 5 февраля 2020 года во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства, и сопутствующей ей тематической научной конференции. Но в процессе работы над этим обзором на фоне повествования о в целом успешном мероприятии стали возникать более общие вопросы, которые было бы несправедливо увязывать исключительно с указанными событиями. Но обо всем по порядку.

Во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства состоялась выставка «Империя и Кавказ. Оружие, обмундирование, ратные традиции. XIX – начало XX века». Нет необходимости говорить, насколько это важное и знаковое событие. Помимо того, что вниманию публики были представлены собрания из крупнейших частных коллекций кавказского оружия в России, выставка является еще и крупнейшим мероприя-

тием по количеству выставленных предметов: более 600 предметов из отечественных, зарубежных музейных собраний, а также частных коллекций.

Единственное мероприятие, сравнимое с этим, это выставка "Оружие Кавказа из частных коллекций прошлого и настоящего", прошедшая 01.01.2011 - 31.12.2011 года в Российском этнографическом музее, в рамках которой было представлено около 300 предметов из современных частных коллекций и около 100 предметов из собрания Российского этнографического музея. В выставке «Империя и Кавказ. Оружие, обмундирование, ратные традиции. XIX – начало XX века» участвовали 14 музеев, галерей, архивов, библиотек и 10 частных коллекционеров. Пожалуй, впервые на таком уровне и в таком масштабе с помощью оружейной тематики предпринята попытка культурного осмысления выставочного пространства, и это, вне всякого сомнения, удалось. Композиция выставки, информационное сопровождение, использование многочисленных предметов сопутствующего неоружейного характера, иллюстративные материалы - все это формирует восприятие посетителей и придает ему необходимый объем, позволяет погрузиться в соответствующую историческую и культурную атмосферу. Следует признать, что замысел организаторов выставки, которые заслуживают безмерной благодарности не только исследователей, коллекционеров или просто любителей кавказского оружия, но и обычных посетителей, был большей частью воплощен и реализован, что, опять-таки, учитывая масштаб мероприятия, являлось нетривиальной задачей. Но любой выход в публичное пространство, а выставка несомненно является именно выходом в такое пространство, всегда влечет за собой определенную ответственность и последствия. Можно было бы выпу-

стить несколько критических стрел по поводу организации и наполнения экспозиции, несовершенства опубликованного каталога или слишком широко и глубоко заявленной тематики непростых для российской истории и культуры отношений Империи и Кавказа и степени ее реализации. Но это все можно отнести к проблемам, которые неминуемо будут преодолены и решены при проведении будущих выставок и мероприятий, ведь, в конце концов, не ошибается только тот, кто ничего не делает. К сожалению, более серьезные вопросы возникают в отношении не до конца понятного и сформированного формата совместных выставок с одновременным экспонированием предметов из музейных собраний и частных коллекций, что задевает уже более глубокие темы методологии оружиеведения в целом.

Экспонирование предметов - это, по сути, одна из форм публикации и ввода предмета в научный оборот. Если выставка проводится и декларируется как выставка частных коллекций и предоставляет публике возможность ознакомиться исключительно с содержанием таких коллекций, не претендуя на что-то большее, то такой формат вполне допустим, нетребователен и кроме благодарностей в адрес коллекционеров и организаторов никакой другой реакции вызвать не может. Но если заявленная тематика выставки – историческая, то становится невозможным игнорировать тот факт, что история — это наука. Следовательно, предметы, выставленные именно в таком контексте, выводятся и в научное пространство тоже. Обычно ввод артефакта в научный оборот производится путем открытой научной публикации, а в случае экспонирования музейных по принадлежности предметов подразумевается, что они имеют подтвержденный провенанс, историю и атрибуцию, проведенную кураторами музейных коллекций. В любом случае, открытая научная публикация может быть обсуждена или подвержена открытой публичной критике в рамках научного дискурса, а в случае музейного экспонирования - на сайте ведущих западных музеев, многие из которых уже обеспечили онлайн-доступ к своим собраниям, очень часто есть кнопка «сообщить о неточности в описании» или возможно другим цивилизованным способом связаться с куратором соответствующей коллекции.

Наука требует открытости, это необходимое условие для преемственности, последовательного и поступательного развития. Если ввод предмета в оборот, «публикация» предмета в статье или докладе на конференции, в которых презентуются искусствоведческая и все другие возможные и доступные автору виды экспертиз, являются полноценными публикациями предмета, независимо от реального уровня предмета и способностей описывающего его автора, то краткосрочное экспонирование предмета и помещение краткой информации о нем в карточке каталога лишены таких достоинств. В этом случае можно было бы сослаться на то обстоятельство, что на каждый предмет есть соответствующее заключение экспертизы. Действительно, законодательно установлено, что историко-культурная ценность предмета, его «подлинность», могут подтверждаться заключением уполномоченного эксперта. Но даже при наличии десяти печатей на каждом листе экспертного заключения, оно все равно останется субъективным мнением конкретного специалиста. Вопреки распространенному мнению, любая экспертиза и заключение эксперта не являются доказательством ни в одном из видов судопроизводства - заключение экспертизы или эксперта всего лишь подлежат оценке наряду со всеми остальными фактами.

Здесь нисколько не отрицается справедливость и даже научная ценность экспертных заключений. Некоторые из таких экспертиз в силу их обоснованности и использования в них научной методологии можно было бы даже публиковать как научные исследования и статьи. Вероятно, что именно открытая публикация экспертиз и возможность их обсуждения по правилам научного сообщества могли бы разорвать порочный круг, в котором заключение эксперта одновременно признается истиной в последней инстанции, но при этом в среде специалистов занимает одно из последних мест в негласной иерархии доказательств культурной ценности предмета.

В идеале экспертиза должна представлять собой полноценное оружейное исследование, и деятельность эксперта безусловно лежит в плоскости оружейного исследования. Считается, что оружейное исследование - это частный случай вещеведения, науки, родившейся в рамках археологии. Соответственно из археологии был заимствован и основной, как считалось до недавнего време-

ни, метод исследования – типология (соотнесение типов с культурой). Собственно говоря, оружиеведение с самого начала пыталось стоять на двух китах: научном аппарате археологии, с одной стороны, и необходимости систематизации и описания оружейных коллекций, с другой. При этом совершенно упускалось и упускается из виду, что археология в подавляющем большинстве случаев имеет дело с артефактами, в отношении которых не стоит вопрос подлинности.

М. Н. Эпштейн предложил разделить понятия «вещь» и «предмет». Вещь, в отличие от предмета, не нуждается в подтверждении своей подлинности - в случае археологии она в прямом и переносном смысле извлекается из культурного слоя, которому принадлежит. Предмет же становится вещью только после подтверждения своей подлинности. *«"Предмет" требует в качестве дополнения неодушевленного существительного, а "вещь" - одушевленного. Мы говорим "предмет чего?" [...] но: "вещь чья?"»* (Эпштейн М. Н. Реалогия (вещеведение). Из цикла "Новые науки").

Предмет чего? Предмет вооружения. После этой дефиниции проводится исследование (экспертиза) данного предмета, определяется его тип, и этот тип связывается с определенной культурой. На этом исследование-экспертиза, как правило, заканчивается, подлинность предмета установлена, и он переходит в разряд «вещей». Очевидно, что речь пока идет не о «вещеведении», а именно о «предметоведении». Чтобы не плодить сущностей, следует воспользоваться классификацией М. В. Рона, предложившего разделить вещеведение на три основных направления: теоретическое, историческое и практическое (прикладное). *«Теоретическое вещеведение рассматривает проблемы определения сущностного содержания вещи; вещи как феномена взаимодействия материальной, духовной и художественной культур; проблемы типологии истории материальной культуры. Историческое вещеведение направлено на изучение истории материальной культуры в целом, и истории вещей в частности; изучение метаморфоз производства, статуса и роли вещи во взаимосвязи с деятельностью и самосознанием человека. Прикладное вещеведение ориентировано на определение методологии атрибуции и интерпретации вещи, решение проблем выявления, хранения и экспо-*

нирования материальных источников» (Рон М. В. Вещь как источник истории культуры, некоторые проблемы историографии вопроса. Историография и источниковедение в культурологическом исследовании (Культурологические исследования' 10)). В отношении оружиеведения, раз оно принимается как частный случай вещеведения, если речь идет исключительно об исследованиях в рамках типологии, а целью является описание и систематизация собраний и коллекций, следует говорить именно о прикладном оружиеведении. Если же речь идет об исследовании вещи именно как феномена культуры, то это уже историческое оружиеведение и оно требует *«рассмотрения единства материальной формы, функции и содержания [...] Таким образом, говоря о вещественных источниках, мы обязаны рассматривать их в контексте взаимосвязи материального, духовного и художественного компонентов культур»* (Там же).

В настоящее время в оружиеведении превалирует типологический подход, некритично заимствованный из научного аппарата археологии, хотя он подвергался критике еще в середине прошлого столетия: *«Никто не "открывает" культуры и никто не "находит" типы. Исследователь не "опознает" тип, он создает его и включает в него объект. Объекты не "принадлежат" к типам и не "распадаются" на типы, их размещает по типам исследователь [...] Нет типологических систем, на деле внутренне присущих материалу [...] Классы — это сущности и реалии только в уме исследователя, у них нет другого существования [...] Нет такой вещи, как тип, к которому по необходимости "принадлежит" объект»* (Brew John O. The use and abuse of taxonomy. In J. O. Brew. The archaeology of Alkali Ridge, Southern Utah, 1946 (цитируется по Клейн Л. С. Археологическая типология. Ленинград, 1991. С. 73).

Примечательный пример неоднозначности типологического метода — «парадокс боевых топоров» (Клейн Л. С. Археологическая типология. Ленинград, 1991. С. 30), когда столь любимый археологами подход к составлению типологии боевых наконечников чего бы то ни было по их морфологическим признакам с разделением на «типы» и «подтипы» с непременным нанесением на карту мест их обнаружения привел к тому, что каменные сверленные бое-

вые топоры каждого «выявленного» типа широко «рассыпались» по всей европейской территории СССР. Естественно, что это «рассыпание» было тут же объяснено «подвижностью и экспансией» носителей этих боевых топоров. Критический анализ показал, что гораздо более вероятным объяснением является то, что на самом деле отдельные виды топоров не распространялись далее культурно обособленных очагов, а «типы» на карте рассыпались только потому, что признаки, положенные в основу классификации, оказались случайными, «почти безразличными к культурному обособлению» и «типологически нечувствительными» (Там же, С. 31).

Что касается «второго кита» прикладного оружиеведения – необходимости описания и систематизации коллекций, – то следование по этому пути с наименьшим сопротивлением неизбежно уводит от исследования вещи как феномена культуры и приводит в итоге к простой публикации предметов в однотипных цветных альбомах или каталогах с описаниями разных «типологических типов» с минимумом информации, к тому же почерпнутой из вторичных источников или таких же альбомов. Подобные труды не отвечают целям и задачам научных исследований и даже, наоборот, порождают новые вопросы, касающиеся точности описания вещей в случае музейных собраний или культурной аутентичности предметов в случае частных коллекций.

Необходимо четкое понимание, что полноценная наука начинается только тогда, когда заканчиваются споры о «подлинности» предмета и он безусловно переходит в разряд «вещей». В противном случае отечественный оружиеведческий научный дискурс останется в том же состоянии, с которого когда-то и начинался: в бесконечных спорах о «подлинности» и «не подлинности», независимо от места проведения дискуссии - на антикварном рынке, интернет-площадке или в зале научной конференции.